

РЕДКИЙ ПРИМЕР ПРИНЯТИЯ НОВОЙ ВЕРЫ НА ОСНОВЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО РАВНОПРАВИА — КРЕЩЕНИЕ РУСИ

Иштван Долманьош

/Будапешт/

Продолжительность одного из блестящих периодов древнерусской культуры, письменности — время принятия и укрепления христианства — оценивается приблизительно в сто пятьдесят лет. Как мы знаем, этот период может быть подразделен на этапы: один охватывает первые десятилетия родовых мук русского христианства, второй — это длительная деятельность, связанная с его консолидацией.

Однако возникает вопрос о точной датировке периода родовых мук. И кроме того — вопрос, почему запаздывает принятие новой веры как государственной религии?

Что касается проблем, связанных с хронологией, то в настоящее время уже можно считать, что они разрешены. В начале восьмидесятых годов в советской исторической науке известным византиевистом, Литавриным была выдвинута новая вероятная теория датировки¹, которая была принята компетентными специалистами². Согласно этому новому исследованию, знаменитое путешествие русской великой княгини Ольги в Константинополь, а также благоприятствующее феодальному развитию ее крещение там, произошло не в 957 году, как предполагал и венгерский ученый Дюла Моравчик², или в какое-либо иное время, а осуществилось в 946 году, то есть двумя годами ранее посещения Византии и крещения венгерского вождя Булчу /князь и "карха"/. 988 год как дата подтверждается исторической наукой. /Но это опять-таки противоречит утверждению Моравчика, который указывает исключительно на 989 год./

Между этими двумя установленными датами в течение почти полувека подготовлялось вообще религиозное об-

новление Руси. Следовательно это время и явилось периодом родовых мук крещения.

К поставленным вопросам относится и вопрос о том, почему по сравнению с новаторским шагом Ольги принятие новой религии настолько задерживается?

Предварительно я хотел бы заметить, что в противоположность торжественному принятию христианства в Константинополе, на мой взгляд, основной целью поездки великой княгини Ольги являлось урегулирование не церковных и даже не торговых, а в первую очередь военно-политических проблем. К сожалению, это обстоятельство до настоящего времени исследователями не было освещено должным образом, несмотря на то, что из русских летописей однозначно выясняется преимущественно политический характер затрагиваемых вопросов.

Согласно летописи, Ольга и по возвращении из Царьграда в первую очередь занялась светскими проблемами. Из-за политической позиции, занятой Византией, она откладывает осуществление военного союза³. Таким образом, общее принятие христианства при этом определялось не церковными причинами. Русь, как и многие государства, граничившие с Византией, ожидала подходящего момента, руководствуясь политическими соображениями. Византийская империя, используя в качестве повода религиозное посредничество, хотела навязать соседям свою политическую гегемонию. Не каждое заинтересованное государство могло применять на довольно длительное время упомянутую тактику выжидания. Однако ясно, что отличающейся сильной мощью Киевской Руси этот прием затяжек удался. Ольга, проводившая мирную политику, осуществив свои планы могла ждать и ждала, не теряя надежды. Позже эта задержка становится значительным преимуществом. Ответственность за данную задержку, у которой разумеется, имелись и отрицательные стороны, возлагается на Византию, в этом отношении проводив-

шую политику, которая препятствовала прогрессу.

Вторжение великого князя Святослава, сына Ольги, на территорию Византии, — на земли славянской Болгарии, притесняемой Византией, — спровоцированное враждебной внешней политикой последней, послужило очередным уроком для Константинополя.

В конце X века во время правления великого князя Владимира /сына Святослава/ наконец созрели условия для начала решающего поворота⁴.

Между тем и тогда все же довольно сильной являлась внутренняя оппозиция.

Владимир был вынужден, в соответствии с обычаем самообороны государей, перевести свой двор, то есть со средневековым регифугиумом удалиться далеко на север. И позже, собрав там войска, нанес сокрушительный удар по противостоящим ему силам на юге⁵.

В интересах облегчения перехода именно светская власть великого князя играла ведущую роль в создании общего пантеона древних языческих русских богов в прогрессивном движении вперед к единобожию⁶.

После этого Владимир в 988 году с намерением опередить Византию, собрав свежие силы, нанес удар по одной из провинций Византии, расположенной по соседству с Русью в Северном Причерноморье. Так он силой оружия обеспечил желательную ситуацию для принятия новой веры, протекавшего в условиях государственного равноправия.

События разворачивались иначе, чем в Болгарии. В 864-865 годах войска византийского императора, проникнув вплоть до столицы болгарского царя, силой оружия навязали ему переход в христианство на неравноправных в политическом отношении условиях. Русь извлекла урок из случившегося. В 988 году она своим боевым щитом пресекла завоевательные планы Византии.

Правящие вместе братья — император Василий Болгаробойца и Константин VIII — в итоге согласились принять русские условия, обеспечивающие прочный мир⁷. Среди гарантий, обеспечивающих выполнение этих условий, имелось требование, согласно которому Владимир просил в жены и, после проволок, получил царевну Анну из императорского дома. Таким образом, введение новой государственной религии на Руси, можно считать действительно удачным случаем, редким примером, имевшим место в международных отношениях. Хотя русский митрополит попал под церковное управление константинопольского патриарха, правление которого, однако, во многих отношениях существовало лишь теоретически, Византии было отказано в том, чтобы она стала господином в доме киевского государя. Источники не дают никаких указаний на то, что в Киеве образовался слой рыцарей ярко выраженного греческого этника, /Если последующие соответствующие венгерские события политически несколько похожи на своеобразие русской церкви, то в случае Венгрии принятие новой веры, принесенное с запада, усложнялось появлением здесь группы германских рыцарей./

Во время принятия христианства и в последовавшие за ним столетия целостность Русского государства оставалась такой крепкой, что русские престолонаследники, претенденты на русский трон, никогда не появлялись в Византии /как это, например, происходило со стороны Венгрии, несмотря на возникшее различие в вероисповедании, иногда с элементами вассальной зависимости/. Вообще заслуживает внимания то, что среди преемников Владимира никто из русских великих князей не ездил в Константинополь даже с визитом. Однако подчиненная зависимость других стран многократно играла большую роль в том, что во Франкской империи, а также в германо-римской империи, престолонаследники и претенденты на троны внешних стран посещали двор императора. Более того, часто подолгу находились там. Нам также неизвестно

о том, чтобы при нападениях на Русь извне русские государи когда-либо обращались за патронской помощью в Константинополь, или же переносили бы свой двор /регифугум/ в окраинные области Византии. Исходя из всего этого и по другим причинам, считаю необоснованным высказывания, встречающиеся в различных справочниках, в первую очередь указания буржуазной историографии, согласно которым Русь вместе с принятием новой государственной религии якобы становится политическим вассалом Византии. Не следует забывать, что Византия никогда не вела общей с Русью большой войны против какого-либо государства. Сами по себе внешние церковные связи и в других государствах также не привели к политической вассальной зависимости.

Правда, русская церковная литература наряду с династией русского князя возводила в святые также и членов семьи византийских императоров. Но если это религиозное явление на Руси начинало толковаться некоторыми священниками как напоминание о политической зависимости от Византии, то против этого со всей решительностью выступал русский великий князь, последовательно защищая самостоятельность государства.

Те исторические школы, которые придерживаются утверждения, что с принятием новой веры Русь превращается в вассала Византии, впадают в противоречие с самими собой, когда, в другой связи, громогласно утверждают, что именно благодаря крещению Русь становится равноправным членом в сообществе европейских государств...

Впоследствии сама Россия превращается в распространительницу христианства среди многих соседних народов, способствуя возникновению также и противоречивых, негативных моментов, но в первую очередь распространяя прогрессивные воззрения. Более того, русское государство и церковь становятся влиятельными хранителями греческой церкви, когда под ударами турок распалась Византия, а не Россия.

Интересной проблемой является значение второстепенной мусульманской религии до крещения Руси. Ссылаются на то, что согласно более поздней вставке в русскую древнюю хронику русский великий князь выбрал одно из трех вероисповеданий: а именно — латинского, греческого и мусульманского. Мне представляется, что на основе этого некоторые исследователи ошибочно считают наличие равной возможности также и для принятия Владимиром мусульманской религии. Еще большей ошибкой является выдвижение мусульманства на передний план. /Между тем мы, разумеется, не собираемся оспаривать большую историческую значимость ислама на известных территориях/. Все данные указывают на глубокое проникновение Руси — уже до этого — в процесс культурного развития Европы, поэтому нельзя серьезно считаться с возможностью предпочтения Владимиром учения Могамета. /Из этого также следует, что неправильными знаниями об истории предшествующего развития России располагают те, кто сомневается в причастности Руси до ее крещения к историческому развитию Европы, тем самым предполагая более позднее возникновение русской государственности/. Один из устрашающих примеров необоснованного выдвижения на передний план мусульманского вероисповедания, — это когда решение Ольги и Владимира объясняют экономическими причинами и романтикой в отношении Востока, считая, что Русское государство не стало мусульманским будто бы лишь вследствие истощения серебряных рудников в Малой Азии!

Исходя из всеобщей истории, необходимо признать, что не случайно религия Магомета в то время не была принята ни одним из остальных истинно европейских государств. О смене христианства на ислам не было речи и в полуазиатской Византии.

Русские летописи обоснованно указывают на выдающуюся роль самого Владимира при крещении Руси:

известна крылатая поговорка, что Владимир пахал, Ярослав сеял, а последующие поколения жали. Однако я думаю, что эта крылатая поговорка не совсем справедлива к Владимиру. Христианство, проникая на Русь в предшествующие столетия, в конце X века намного быстрее нашло для себя на Руси благоприятную почву, чем это предполагают более поздние поколения или историки. Владимир не только пахал, но также и сеял, а на известных территориях мог даже и жать. В других районах потомкам вновь приходилось пахать и сеять, а Ярослав также жал.

Одно место в классическом творении древнерусской литературы в Киево-Печерском Патерике — является более точным, чем упомянутая поговорка, потому что там больше подчеркивается роль Владимира. /Вероятно, почитателям древнерусской культуры и письменности будет интересно узнать, что полный текст русского Патерика впервые был переведен на венгерский язык мною, дополнен моей студией в связи с тысячелетней годовщиной русского православия и подготовлен к печати в издательстве "Геликон"/.

Однако цепь размышлений, заключенная в упомянутой крылатой поговорке летописи, все же содержит в себе глубокую мудрость, считая процесс полного утверждения христианства на Руси намного длиннее, чем эпоха Владимира, поскольку как Ольга, так и "святой" Владимир не были в состоянии перепрыгнуть через свою историческую эпоху. В 988 году удалось лишь заложить этот поворот⁸. Его укрепление протянулось до XI века, до времени правления Ярослава Мудрого и его сыновей. Помимо борьбы со вновь и вновь выступающим и тяготеющим к старым общественным отношениям язычеством, в жестокой борьбе было необходимо разгромить и мятежные силы некоторых русских церковных руководителей, раболепствующих перед Византией.

Полная консолидация, как и полная стабилизация всякого крупного политического поворота, была осуществлена

лишь в результате длительной, терпеливой и принципиально верной борьбы. Поэтому в конце грядущего XXI столетия также откроется возможность для нового признательного освещения построения русской церкви. Возможность для прославления почти что нового миллениума!

Сноски

- 1 Г. Г. Литаврин: О датировке посольства княгини Ольги в Константинополь. История СССР. 1981, 5. 173-183.;
Г. Г. Литаврин: Путешествие русской княгини Ольги в Константинополь. Проблема источников. Византийский временник. 1981, т. 42. 35-48.
- 2 Moravcsik Gyula: Bizánc és a magyarság. Nr. 1953, 25.
- 3 Повесть временных лет. I. Подготовка текста Д. С. Лихачева. Перевод Д. С. Лихачева и Б. А. Романова. Под редакцией Адриановой-Перетц. М.-Л., 1950, 45-48.
- 4 А. П. Новосельцев: Принятие христианства Древнерусским государством как закономерное явление. История СССР. 1988, 4.
- 5 И. Долмэнш: Политика личной безопасности и военной защиты русских великих князей в Средневековье. Etudes historiques hongroises. 1985, 157.
- 6 Б. А. Рыбаков: Язычество Древней Руси. М., 1987.
- 7 В. М. Зубарь — Ю. В. Павленко: Херсон Таврический и распространения христианства на Руси. Киев, 1988, 162-185.
- 8 А. Б. Головкин: Христианизация восточнославянского общества и внешняя политика Древней Руси в IX - первой трети XIII века. Вопросы истории. 1988, 9. /С библиографией юбилейной литературы предыдущих месяцев./